

НАУЧНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИСКУССИИ КАСАТЕЛЬНО «ФИНЛЯНДИЗАЦИИ» И «ПОСТ-ФИНЛЯНДИЗАЦИИ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ЗАПАДА

Д. А. Попов

В статье рассматриваются зарубежные научные публикации о феномене «финляндизации» и «пост-финляндизации», вышедшие в последние годы. Актуализируется вопрос отношения к этому явлению в публикациях до начала геополитической напряженности в 2014 г., и после, в контексте применимости опыта «финляндизации» к современным реалиям. В итоге делается вывод, что до 2014 г. это явление оценивали скорее положительно, а после – скорее отрицательно, что связано с опасениями коллективного Запада по поводу сотрудничества европейских стран и особенно Украины с Российской Федерацией.

Ключевые слова: финляндизация; пост-финляндизация; Финляндия; Холодная война; суверенитет; Украина; геополитическая напряженность.

Введение.

Отношения между Финляндией и СССР в послевоенный период, в период Холодной войны, принято называть «финляндизацией». Этот термин возник не в Финляндии, а затем этот опыт стали пытаться применить ко многим другим странам и к другим периодам истории. Консенсуса в оценке «финляндизации» среди научного сообщества никогда не было, не было его и в общественном поле. После начала геополитической напряженности в мире в 2014 г., и особенно после начала Специальной военной операции в 2022 г., о «финляндизации» все чаще стали говорить политики, блогеры, общественники, ученые. Было высказано большое количество разного качества мнений о применимости опыта «финляндизации» к современной Украине. В этом контексте важно рассмотреть трансформацию оценок этого явления в современной западной научной литературе в период до 2014 г. и после. Это необходимо для понимания влияния политики коллективного Запада на зарубежных ученых, а также для выяснения реальных причин отношения политиков и ученых к этому явлению до и после начала геополитической напряженности. С этой целью было проанализировано несколько крупных публика-

ций финских и иных зарубежных авторов, которые вышли в период 2000 – 2024 гг., а также был проведен анализ публичных высказываний зарубежных политиков и российских оппозиционных блогеров, с целью выявления реальных причин трансформации отношения к понятию «финляндизация».

Терминологический аспект и оценки «финляндизации».

Для начала необходимо рассмотреть терминологические и сугубые подходы к понятию «финляндизация». В большинстве случаев «финляндизация» относится к внешнеполитической стратегии, при которой меньшее государство приспосабливает свою политику к интересам более крупной страны-соседа, как правило, великой державы. Отношения Финляндии с Советским Союзом во время Холодной войны являются примером такого приспособления. Однако с легкой руки политологов из ФРГ термин «финляндизация» стал довольно абстрактным и использовался в отношении не только Финляндии и не только к контексту Холодной войны. Некоторые ученые даже использовали это понятие для построения обобщенной теории политической адаптации [15, с. 475]. Дэвид Артер из Университета Тампере, однако, категоричен в этом вопросе: «предпола-

гается, что финляндизация является *sui generis*, то есть уникально финским феноменом, неразрывно связанным со спецификой финской истории после Второй мировой войны. Иными словами, её нельзя перенести в совершенно иной контекст и приписать ей предписывающую ценность, как, например, в ссылках на «финскую модель» [13, с. 172].

В контексте сотрудничества Финляндии с СССР в период Холодной войны «финляндизация» представляла собой не только внешнеполитическую стратегию, но и политическую культуру с сомнительными особенностями, характерными для Финляндии, особенно в 1970-е годы. Уже в 1980-х годах концепция начала приобретать более позитивные коннотации, и появились предположения, что финская модель – «финляндизация наоборот» – является потенциальным решением для государств Восточной Европы [15, с. 476]. Однако мы согласны с мнением советника МИД РФ Н. Ю. Вежлицевой, что западные политологи, вводя этот термин, пытались помешать улучшению отношений западных стран с СССР [4, с. 85].

Туомо Форсберг и Матти Песу из Университета Тампере отмечали, что финский случай явно является успехом, но не без цены, сравнивая Финляндию, в целом сохранившую суверенитет, со странами, включенными в Социалистический блок, или со странами Прибалтики, включенными в состав СССР. Они отмечают, что «критика относится к деталям – негативным побочным эффектам [15, с. 481].

Концепция «финляндизации» не является финской, ее корни лежат в Центральной Европе. Ричард Лёвенталь, профессор Свободного университета Берлина, обычно считается отцом этого понятия (*Finnlandisierung*), а дебаты вокруг него восходят к 1960-м годам. Концепция стала популярной в 1970-х годах, когда западногерманские противники «восточной политики» (*Ostpolitik*) Брандта (канцлер ФРГ в 1969-1974 гг.) адаптиро-

вали ее для своих внутренних дебатов о политике ФРГ [15, с. 489]. Как верно отмечала И. И. Ковяко из Белорусского государственного университета, «ФРГ в период холодной войны неслучайно оказалась в центре внимания разработчиков концепции финляндизации. Этому во многом способствовало ее географическое расположение на стыке сфер влияния США и СССР. Западная Германия являлась членом НАТО, поэтому вопрос о ее возможной финляндизации имел высокую актуальность для американских и британских исследователей» [7, с. 30].

Гораздо позднее, уже в 1980-е гг., стало возможным наблюдать становление еще одного отличительного свойства концепции «финляндизации»: она применялась для оценки ситуации, связанной с усилением потенциала государства малого или среднего масштаба – партнера крупной державы. В ходе «финляндизации» происходит перераспределение баланса между союзническими и национальными приоритетами в сторону последних. Подобные трансформации не всегда свидетельствуют о кризисе или существенном охлаждении отношений между малым и великим государством. В то же время они закономерно сопровождаются дистанцированием подвергающегося финляндизации государства от одного полюса влияния и его постепенным движением в сторону альтернативного центра силы [7, с. 31].

Дэвид Артер, подводя итог многолетней научной дискуссии по поводу этого термина в Финляндии, отмечал, что «Вслед за Кансикасом (2014) термин «финляндизация» понимается в двойном смысле: (i) Финляндизация как проактивная стратегия крупной державы [СССР/России] (*Suomettaminen*), направленная на влияние на политику малого соседнего государства [Финляндии], ограничение его пространства для манёвра и подрыв его суверенитета; (ii) Финляндизация как форма превентивной дипломатии (*Suomettuminen*), практикуемая малым государством [Финляндией],

стремящимся предвосхитить неблагоприятную реакцию со стороны соседней крупной державы [СССР/России] и таким образом сохранить свою независимость и суверенитет» [13, с. 182].

Для некоторых «финляндизация» означала политику добровольного приспособления интересов и ограничения суверенитета для сохранения независимости страны и избежания политической напряженности с более мощным соседним государством. Для других, «финляндизация» может представлять как политический дистанционный контроль из-за рубежа. Раймон Арон, французский политолог и философ, рассматривал Финляндию как полунезависимое государство, в то время как некоторые считали ее де-факто провинцией Советского Союза. Уолтер Лакёр, американский историк, заявил, что Финляндия, хотя и сумела сохранить свою свободу, не обладала независимостью «ни в каком принятом смысле этого термина» [15, с. 493].

В Финляндии дебаты о политике в отношении России также часто основываются на идентичности: некоторые предполагают, что Россия является заклятым врагом или необходима как «негативный другой» для конструирования финской идентичности. Равным образом существуют утверждения, что нейтралитет и реалистичное, но дружественное отношение к России являются частью идентичности Финляндии [15, с. 494].

Финский историк из Хельсинкского университета Тимо Вихавайнен, однако, был очень мягок в своих оценках «финляндизации». По его мнению, благодаря взвешенному внешнеполитическому курсу Финляндии удалось сохранить независимость в тех объемах, «на которые вообще можно было надеется». Плодами такой политики стали незначительные военные расходы и взаимовыгодные торговые отношения с соседним государством, у которого закупалось сырье в обмен на поставки готовой продукции. Единственной условной платой за эти

преимущества стало добровольное ограничение критических высказываний в адрес СССР как внутри страны, так и на мировой арене. Эта сдержанность, по крайней мере формально, являлась осознанным выбором. Отсутствовала какая-либо формальная система наказаний – скорее, в обществе сформировалась привычка к взвешенным оценкам. Подобные уступки не воспринимались чрезмерными, учитывая, что позиция Финляндии в любом случае не могла кардинально повлиять на политику или методы соседней державы. Политику Кекконена автор значительно критикует, не давая, однако, исключительно негативных оценок [5, с. 123]. Другой финский автор, Юкка Таркка, доктор политических наук и независимый исследователь, в своей статье 2013 г. также позитивно говорил о «финляндизации»: «под прикрытием мягких речей Финляндия смогла отдалиться от Советского Союза. Финляндия взяла на себя роль, казавшуюся неправильной, но этим выбором выиграла правильные вещи» [14]. Форсберг и Песу, в своей статье 2016 г., сказали гораздо меньше позитивного о «финляндизации»: «Так где же Финляндия преуспела в своей политике в рассматриваемый период? Во-первых, Финляндия сохранила свои независимые оборонительные силы и отвергла совместные военные учения с Советским Союзом, не говоря уже о размещении советских баз в Финляндии после возвращения Порккалы в 1955 году. Во-вторых, предпринимались усилия, чтобы экономические отношения с Советским Союзом не стали слишком доминирующими, хотя восточная торговля в значительной степени приносила пользу Финляндии» [15, с. 485].

«Финляндизация»: исторический опыт.

Какие же исторические корни у «финляндизации»? В 1941 г. Финляндия осознанно и целенаправленно вступила во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии, став одной из

главных союзниц Гитлера на Восточном фронте. Причины вступления в войну диктовались аннексионистскими устремлениями финского-военно-политического руководства, которое с самого начала независимости страны стремилось к захвату Восточной (русской) Карелии и Кольского полуострова. В 1944 г. РККА начала Выборгско-Петрозаводскую наступательную операцию, в ходе которой финская армия была разгромлена, а практически вся оккупированная финнами территория СССР была освобождена. В итоге 4 сентября 1944 г. огонь был прекращен, а 19 сентября 1944 г. было подписано Московском перемирие (мирный договор будет подписан в Париже лишь в 1947 г.). В итоге в 1944 г. война была проиграна, и на этой основе необходимо было выстроить новые отношения с Советским Союзом. Финляндия находилась в сложной ситуации: Восток стал еще ближе, а Запад был далеко, к тому же политика страны была ограничена деятельностью Союзной контрольной комиссии, которая следила за выполнением условий Московского перемирия 1944 г. и должна была организовать суд над финскими военными преступниками [подробнее см.: 2, с. 217-256].

В 1948 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией, который развивал Парижский мирный договор 1947 г. Ст. 1 гласила, что «В случае, если Финляндия или Советский Союз, через территорию Финляндии, станут объектом военной агрессии со стороны Германии или любого союзного с ней государства, Финляндия, верная своему долгу самостоятельного государства, будет сражаться для отражения агрессии». Ст. 2 говорила, что «Высокие Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом в случае констатирования угрозы военного нападения» [6].

Однако Финляндии удалось избежать применения военных статей Договора. Кроме того, его действие распро-

странялось только на территорию самой страны, не обязывая финнов участвовать в военных действиях за рубежом [4, с. 85]. Подписание же договора было сложным процессом, Президент Финляндии в 1946-1956 гг. Паасикиви всячески пытался этому помешать, и добился того, что советское правительство «еще до начала переговоров, проходивших 2 марта – 5 апреля, согласилось с основными пожеланиями финнов. В них содержалась – включенная в преамбулу договора – ссылка на то, что Финляндия стремится оставаться вне противоречий между великими державами» [12, с. 292].

Форсберг и Песу отмечали, что подписание этого договора сформировало новую внешнеполитическую линию страны, а довоенная оценка была подвергнута критике, она была признана «безответственной, несмотря на то, что она основывалась на нейтралитете между нацистской Германией и Советским Союзом» [15, с. 481]. Однако здесь авторы сильно лукавят. Никакого «нейтралитета» в отношениях с Германией и СССР у Финляндии в довоенный период не было. 12 сентября 1940 г. в Хельсинки было заключено Соглашение о транзите с нацистской Германией, которое позволило немецким войскам свободно пройти через территорию Финляндии на территорию Норвегии, где велись боевые действия. Однако «немецкие войска находились в стране совсем не в порядке транзитного движения, их размещали погарнизонно». Размещение немецких войск в стране было необходимо для формирования ударных групп вермахта в Лапландии, которые в скором времени должны были начать наступление на Мурманском направлении. Финский генерал П. Талвела написал в своем дневнике 21 августа 1940 г.: «мы оказались теперь в германском строю. <...> мы осуществили поворот на сторону Германии» [1, с. 137; 139; 144]. Юридически же союз между Германией и Финляндией действительно не был оформлен, что дало почву некоторым финским

политикам, а затем и историкам, заявлять об «отдельной» «войне-продолжении» страны против СССР [см., напр.: 10]. Однако и этот тезис разрушается тем, что 26 июня 1944 г. Президент Финляндии Р. Рюти подписал личное заверение Гитлеру, в котором обязывался не заключать мира, не согласовав свои действия с Германией, а также любому назначенному им правительству или функционерам начинать мирные переговоры без ведома Германии. В Парламенте же отнеслись к этому спокойно, понимая, что это соглашение теряло свою силу после ухода Рюти с поста президента. Была и другая лазейка аннулировать это соглашение – в нем писалось, что оно действует лишь «... с учетом поставок вооружений, которыми Германия помогает Финляндии». Однако стоит отметить, что часть немецких поставок прибыла в Финляндию до того, как Рюти дал свое обещание Гитлеру. Финский историк Х. Мейнандер в своей книге «Финляндия, 1944» писал, что данное соглашение «обнажало тот факт, что Финляндия вовсе не ведет сепаратной войны, а пользуется значительной поддержкой Германии при защите своей территории» и что за ним «не стояли ни парламент, ни правительство» [см., напр.; 8, с. 171; 9, с. 105-109].

Влияние Советского Союза на Финляндию стало очевидным в Западной Европе во время так называемого «ночного заморозка» 1958 года и «ночного кризиса» 1961 года. «Ночной заморозок» – это эпизод из истории 1958 г., когда в Финляндии было сформировано правительство К.-А. Фагерхольма, в которое не вошли народные демократы и оппозиционные левые группы СДПФ. Однако Москва вполне определенно продемонстрировала, что новое правительство ей не нравится: советское руководство отложило переговоры о Сайменском канале и взаимной торговле, относительно которых была достигнута договоренность, утверждало, что Финляндия не импортирует из СССР товары в объе-

ме, определенном торговом соглашении, не спешило делать собственные заказы и одновременно позволило своим средствам массовой информации открыто критиковать финляндское правительство [12, с. 329]. Кроме того, посол В.З. Лебедев уехал на родину, что в Финляндии расценили как симптом обострения отношений. В итоге Президенту Финляндии в 1956-1982 гг. Кекконену удалось привести к власти лояльное ему правительство большинства [12, с. 329]. «Нотный кризис», в свою очередь, возник, когда Москва запросила военные консультации с Финляндией на основе советско-финского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года, ссылаясь на предполагаемую возросшую военную угрозу со стороны Германии и ее союзников. Встреча и переговоры в Новосибирске в конце 1961 года между президентом Финляндии Урхо Кекконеном и председателем Совета Министров СССР Никитой Хрущевым разрешила «нотный кризис». Как отмечал финский историк Ю. Невакиви, «Хрущев обосновал предложение о проведении консультаций ссылками на обострение международной ситуации. Кекконен, в свою очередь, указал, что они могли бы вызвать, особенно в Скандинавских странах, беспокойство и сомнения относительно финляндского нейтралитета и дали бы повод даже для начала военных приготовлений. От консультаций отказались после того, как Финляндское правительство пообещало наблюдать за политическим развитием на севере Европы и в бассейне Балтийского моря» [12, с. 332]. Финский автор Юкка Таркка, анализируя дальнейшие события после «Нотного кризиса», отмечал, что в итоге «результатом стало укрепление обороноспособности Финляндии» [14]. Эти случаи способствовали формированию негативного образа Финляндии на Западе (западная пресса стала называть Финляндию «сторожевым псом» [12, с. 332]), который видел в них предостерегающую историю о том, к

чему потенциально может привести сотрудничество с Советским Союзом.

Дэвид Артер отмечал, что «В Финляндии времен Холодной войны четыре особенности, можно сказать, способствовали формированию отличительных черт «тёмного века» финляндизации: (i) политическая география; (ii) договорные обязательства; (iii) конституционные предписания; (iv) динамика партийной системы» [13]. Второй пункт имел в виду именно подписанный в 1948 г. договор. Первые две статьи Договора, приводимые нами выше, по мнению Артера, делали «финляндизацию» «формой превентивной дипломатии». Касательно третьего пункта, Артер отмечал, что форма правления 1919 г. была «полупрезидентской» и давала Президенту много полномочий, касательно четвертого пункта – автор имел в виду сильное влияние коммунистической партии в Финляндии на внутреннюю политику страны.

Примером сильного влияния Президента и его личности на указанные события было то, что Москва в марте 1970 года отвергла участие Финляндии в проекте Северного экономического сообщества (Нордек) и приняла соглашение о свободной торговле Финляндии с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) только при условии, что многолетний президент Кекконен останется в должности в качестве личного залога. Это повлекло за собой принятие Исключительного закона (*poikkeuslaki*), временно отменяющего конституцию, который позволил Эдускунте (финскому Парламенту) продлить срок полномочий Кекконена на четыре года без обращения к избирателям [13, с. 187].

Паасикиви подчеркивал важность добрососедских отношений с Советским Союзом, но также считал, что с принятием Договора Финляндия зашла так далеко, как это было возможно. Допускалось дальнейшее развитие экономических отношений, но с избежанием создания экономической зависимости. Кекконен породил множество сомнительных

практик финляндизации, таких как проведение недемократических мер путем превышения своих конституционных полномочий, работа через персональные сети и сокрытие важной информации от других как средство контроля. Советское влияние проявлялось множеством способов. Наиболее заметным случаем было исключение консервативной Национальной коалиционной партии из правительства на 21 год. Хотя это было хорошо известно, основная причина – возражение СССР – публично не озвучивалась. Другим признаком влияния Москвы был отказ Кекконена назначать на ключевые правительственные должности чиновников, не пользующихся доверием Советского Союза. Значительной чертой финляндизации, считавшейся отталкивающей критиками, была самоцензура финских СМИ. В 1950-х годах все еще были критические комментарии о Советском Союзе и внешнеполитической ориентации Финляндии на своего соседа, но затем самоцензура стала усиливаться (мнение финского историка Т. Вихавайнена об этом мы приведем ниже). Тем не менее, существует ряд контрпримеров и повседневного сопротивления культуре финляндизации. Гражданское общество оставалось сильным, и многие ассоциации, включая церковь, большинство спортивных клубов, скаутов и др. отстаивали патриотизм (в их понимании) и «западные ценности». Что касается собственной истории, Финляндия скорректировала официальную интерпретацию ключевых исторических событий. Кекконен объяснял, что Финляндия была частично виновна в Зимней войне, не говоря уже о так называемой «Войне-продолжении» вместе с нацистской Германией против Советского Союза после июня 1941 года. Или что Владимир Ленин, великий друг Финляндии, даровал финнам независимость – конструкция, которую Кекконен лелеял, потому что считал, что последующие советские лидеры не посмеют оспаривать решения

Ленина [15, с. 476]. Однако этот переход в исторической оценке событий начался далеко не сразу. Как верно отмечал д.и.н., профессор В. Н. Барышников, переход к объективному рассмотрению участия Финляндии во Второй мировой войне произошел лишь в 1960-е гг. в работах историка Х. Сеппяля. До этого в финской историографии главенствовала «теория плывущего бревна», выдвинутая в 1949 г. историком Арви Корхоненем, который в том же году описал ее так: Финляндия оказалась в войне «помимо своей воли, будучи захваченной мощным течением, направление которого не было возможности предусмотреть, и оно своим потоком предопределило судьбу страны». То есть целенаправленное, осознанное, подкрепленное аннексионистскими устремлениями, вступление страны в войну на стороне третьего рейха, отрицалось [1, с. 41; 52].

Выше мы ссылались на статьи, вышедшие уже после начала серьезной геополитической напряженности, вызванной добровольным волеизъявлением народа Крыма и его вхождения в состав Российской Федерации. Как мы могли увидеть, «финляндизация» в них рассматривается скорее негативно, и упор делается на негативные ее стороны, в первую очередь, ограничение суверенитета. Однако финский автор Юкка Таркка в 2013 г. отмечал, что Финляндия была принята в члены Всемирного банка и Международного валютного фонда в 1947 году, и в том же году она участвовала в международной конференции по радионавигации и начала участвовать в конференциях Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). Примерно в то же время Финляндия была наблюдателем на учредительном собрании Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и получила приглашение на конференцию Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры ЮНЕСКО. Финляндия присоединилась к ГАТТ, организации, соз-

данной для продвижения беспопытной и иной свободы международной торговли, без больших проблем весной 1950 года. Уже годом ранее Финляндия участвовала в так называемом Аннесском раунде соглашений о снижении тарифов. И даже после начала холодной войны Финляндии удалось просочиться в ГАТТ и ОЭСР. Как он отмечал, «В США Финляндию знали лучше, чем в Советском Союзе, и Запад оказывал на Финляндию большее духовное влияние, чем Восток». То есть в этой публикации о «финляндизации» говорится скорее в позитивном ключе. В таком же ключе о ней говорил упомянутый нами выше Тимо Вихавайнен в своей монографии «Сталин и финны», вышедшей в русском переводе в 2000 г.

«Финляндизация» начала исчезать в конце 1970-х – начале 1980-х годов, и одним из ключевых объяснений ее упадка была смена руководства. Новый Президент страны М. Койвисто пересмотрел президентскую систему власти Кекконена, не меняя конституцию. В отличие от Кекконена, он не создавал персональную сеть власти, а предпочитал вести повседневные дела через официальные каналы. Тем не менее, роль Койвисто в крахе финляндизации не была однозначной, поскольку он также имел тенденцию контролировать публичный дискурс по вопросам внешней политики. Более того, изменения в финской политической культуре зависели от реальных успехов социализма в Советском Союзе. Недостатки социалистической системы в плане экономической и технологической эффективности стали очевидны в конце 1970-х годов, что лишило ее привлекательности. Гласность Горбачева стала гвоздем в гроб «финляндизации»: «московская карта» потеряла свою ценность во внутренней политике, поскольку советский интерес к делам Финляндии просто начал ослабевать [15, с. 483]. Тимо Вихавайнен также считал, что «финляндизация» закончилась вместе с СССР: «Избрание Койви-

сто на второй срок произошло уже в условиях новой политической культуры, и к концу его президентства от «финляндизации» остались лишь воспоминания. Она стала историческим явлением, объяснение которого для старшего поколения было вызовом, а разъяснение ее смысла молодому поколению часто казалось почти невозможным, а иностранцам абсолютно невозможным» [5, с. 125].

Подводя итог многолетней политики Финляндии в отношении СССР, Юкка Таркка отметил: «Горечь, оставшаяся после войны, была скрыта разговорами о дружбе. Уверяли в доверии, потому что царило недоверие. Положительно комментировали даже те вещи, которым противодействовали. Клялись в верности Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (ДДСВП), но готовились защищаться от помощи силой. Говорили об отношениях с Востоком, но строили отношения с Западом. Отклоняли совместные военные учения с Советским Союзом, но открывали каналы сотрудничества в военной и полицейской разведке с НАТО» [14].

Пост-финляндизация.

Однако некоторые авторы считают, что существовала и «пост-финляндизация». Как отмечал Дэвид Артер, термин «пост-финляндизация» (*jälkisuomettuminen*), вероятно, был придуман председателем Национальной коалиции Петтери Орпо, выступавшим на заседании партийного совета в середине мая 2022 года. Дэвид Артер считал, что «пост-финляндизация» началась после распада СССР в 1991 г. и проявлялась в том, что Финляндия недостаточно активно поддержала независимость Прибалтийских государств в начале 1990-х гг., в «наивной вере» в демократизацию России, в «нежелании воспринимать и реагировать на усиливавшиеся признаки авторитаризма в России», и, конечно, «в политике военного неприсоединения». Однако после вступления Финляндии в НАТО «Финляндизация» как форма превентивной дипломатии

малого государства по отношению к соседней крупной державе в сочетании с военным неприсоединением уступила место ассоциации с трансатлантической сверхдержавой и военной интеграции. В целом, заявка Финляндии в НАТО ознаменовала конец финляндизированной Финляндии, вызванный действиями России на Украине и основанный на широко распространенном общественном страхе повторения советских нарушений суверенитета Финляндии» [13, с. 183]. Однако нам очень близка позиция Н. Ю. Вежливцевой, что «после 1990-х годов ограничений не стало меньше. Вступление в ЕС в 1995 г. означало добровольную передачу части государственных полномочий на наднациональный уровень. После подписания Лиссабонского договора 2007 г. финны присоединились к «Декларации ЕС о солидарности», в том числе к положениям о солидарной ответственности в рамках ЕС (статья 222) и о предоставлении взаимной помощи (статья 42 (7))» [4, с. 87]. То есть финны заменили ограничение своего суверенитета восточным соседом на его ограничение международными европейскими организациями.

Российская либеральная оппозиция стала все чаще говорить о применимости «финского опыта» к современной ситуации на Украине. В частности, политолог и юрист В. Пастухов (признан иностранным агентом) в своем Telegram-канале говорил об этом. Однако касательно переноса политики «финляндизации» на современную ситуацию на Украине, Туомо Форсберг и Матти Песу отмечали, что делать это нужно осторожно, поскольку Финляндия менее крупная держава, чем Украина, и она «более однородна», к тому же, «если бы современная Финляндия могла служить моделью для решения украинского конфликта <...> Москва должна быть готова принять более глубокую интеграцию Украины с ЕС и даже ее членство в нем», как в свое время было принято соглашение о свободной торговле Фин-

ляндии с Европейским экономическим сообществом в 1970-е гг. Антелло Хормилла и Перти Ахонен, PhD из Университета Ювяскюля, отмечали, что «возможность создать пространство для маневра в отношениях с Москвой, которой финны в конечном счете добились с конца 1940-х годов, стала возможной лишь благодаря предыдущему относительному успеху на поле боя (Финляндии удалось сорвать все основные цели Сталина во Второй мировой войне¹). <...> Благодаря своей политике в период Холодной войны Финляндия смогла постепенно, шаг за шагом, двигаться в сторону Запада. Можно надеяться, что Украина сможет обеспечить себе аналогичные договоренности с Западом в целом и с ЕС в частности» [16, с. 573]. Артер же отмечал, что «ряд «ветеранов» финской дипломатии справедливо указали на трудности дублирования финского опыта. Они отметили, что, в отличие от Украины, на финскую политическую культуру повлияли семь столетий, проведенных в составе шведской короны [Запад], гораздо больше, чем столетие в качестве автономного Великого княжества в составе царской Российской империи между 1809 и 1917 годами. Короче говоря, история Финляндии очень отличается от истории Украины» [13, с. 188]. Глава МИД Финляндии Валтонен в 2024 г. также заявила, что «политика «финляндизации», то есть, нейтралитета и уступок, которой ее страна придерживалась после Второй мировой войны, не подходит для Киева. «Я против этого» —

сказала она» [3]. Президент Финляндии Стубб также отрицательно отнесся к применению финской модели к событиям на Украине: ««Ответ [на вопрос о реализуемости этого плана] номер один — нет». Решение Финляндии по нейтралитету президент назвал средством выживания и отметил, что Украина имеет полное право определять свой суверенитет и союзников. Он добавил, что рассмотрение «финской модели» ставит под сомнение всю нынешнюю архитектуру европейской безопасности и противоречит свободе выбора в политике безопасности и обороны» [11].

Таким образом, проведя анализ англоязычных, финскоязычных, переводных финских и отечественных работ касательно «финляндизации», мы приходим к выводу, что до начала геополитической напряженности в мире в 2014 г. преобладала ее положительная оценка (Т. Вихавайнен, Ю. Таркка). После начала напряженности, и особенно после вступления Финляндии в НАТО вектор сместился, и «финляндизацию» стали демонизировать, как в 1960-е гг. делали европейские авторы, не желавшие союза с СССР. Это объясняется банальной необходимостью обосновать в обществе и научном сообществе вступление страны в НАТО. Однако политика Финляндии по интеграции в ЕС, и тем более вступление в НАТО, показывает существенное ограничение суверенитета страны. Любопытно, что именно это некоторые современные западные авторы и выдвигают в качестве тезиса о несостоятельности политики «финляндизации» в период Холодной войны, тем самым перечисляя самим себе. Термин «постфинляндизация» также появился после начала Специальной военной операции, и, по нашему мнению, был введен лишь для очередной демонстрации необходимости вступления страны в НАТО — мол, «мы продолжали ошибаться и после распада СССР», но сейчас «выбрали правильную политику». Эти общественно-историографические тенденции вы-

¹ Это также является максимальным лукавством. Несмотря на огромное количество построенных в Карелии оборонительных линий, финны в 1944 г. смогли удержать лишь небольшой участок в районе Питкяранты (линия У), в районе Иломантси советские войска даже перешли советско-финляндскую границу 1940 г., на Карельском перешейке советские войска 20 июня 1944 г. взяли Выборг, а остановить наступление частей РККА финны смогли лишь севернее Выборга в районе Тали-Ихантаала, что не спасало ситуацию. Именно поэтому Перемирие 19 сентября 1944 г. было подписано исключительно на советских условиях, которые были жестче, чем условия, предлагаемые Финляндии весной 1944 г., от которых она отказалась.

зывают лишь удивление, поскольку то, что спиты они белыми нитками, видно сразу. Любопытным является также то, что в отличие от либеральной оппозиции в России, западные авторы не склонны рассматривать «финляндизацию» как положительный вариант политики Украины в условиях противостояния с Россией. Это мы также можем объяснить необходимостью демонизации «финляндизации», и желанием подчи-

нить интересы Украины интересам ЕС, полностью выведя ее из российского вектора. В 1960-70-е гг. западные авторы жестко критиковали рациональную политику Финляндии по отношению к СССР боясь, что их страны также пожелают сотрудничать с восточным соседом, теперь же они критикуют ее, боясь потерять Украину из вектора своей политики. Ведь это не даст им ограбить страну, и использовать ее в своих интересах.

Список источников и литературы

1. Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940-1941 гг. / В. Н. Барышников. – Санкт-Петербург: изд-во СПбГУ, 2003. – 326 с.
2. Барышников Н. И. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений / Н. И. Барышников, Э. П. Лайдинен; [сост.: В. Н. Барышников, С. Г. Веригин]. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2013. – 495 с
3. В Хельсинки выступили против «финляндизации» Украины [Электронный ресурс] // Новостной портал РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2024/6732a2ac9a794752984aefc0> (дата обращения: 23.11.2025)
4. Вежливец Н. Ю. Современное прочтения термина «финляндизация» // Современная Европа. 2020. №4. С. 83-90
5. Вихавайнен Т. Сталин и финны / Пер. с финского Н. А. Коваленко; Под ред. Г. М. Коваленко. – СПб.: Журнал «Нева», 2000. – 288 с.
6. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндской Республикой [Электронный ресурс] // Портал «Викитека». – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_дружбе,_сотрудничестве_и_взаимной_помощи_между_СССР_и_Финляндско_й_Республикой (дата обращения: 23.11.2025)
7. Ковяко И. И. Финляндизация как концепция научного исследования внешней политики и международных отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. №4. С. 28-39.
8. Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения / Хенрик Мейнандер ; пер. со швед. Зинаиды Линден. – Москва: Весь Мир, 2014. – 395 с
9. Попов Д. А. Интерпретация истории Советско-финской войны 1941-1944 гг. в трудах российских и финских историков // Путь к Великой Победе: история и современность. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2020. С. 105-109.
10. Солонин М. С. 25 июня. Глупость или агрессия? / Марк Солонин. – Москва: Яуза; Эксмо, 2011. – 637 с.
11. Стубб предостерег от «финского сценария» завершения конфликта на Украине [Электронный ресурс] // Новостной портал РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/11/2024/672a4b4c9a7947e8543c26a9> (дата обращения: 23.11.2025)
12. Юссила О. Политическая история Финляндии. 1809-2009 / О. Юссила, С. Хентия, Ю. Невакиви. Москва: изд-во «Весь мир», 2010. – 472 с.
13. Arter, D. (2023). From Finlandisation and post-Finlandisation to the end of Finlandisation? Finland's road to a NATO application. *European Security*, 32(2), 171–189.
14. Tarkka, J. (2013) "Suomettuminen oli uhka ja uusi alku", *Tieteessä tapahtuu*, 31(5). Available at: <https://journal.fi/tt/article/view/8637> (last request: 6 June 2026).
15. Tuomas Forsberg & Matti Pesu (2016) The "Finlandisation" of Finland: The Ideal Type, the Historical Model, and the Lessons Learnt, *Diplomacy & Statecraft*, 27:3, 473-495
16. Holmila, A., & Ahonen, P. (2022). The Good, the Bad and the Ugly: The Many Faces of Finlandization and Some Potential Lessons for Ukraine. *Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History*, 19(3), 560-577.

Попов Денис Александрович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет Минздрава РФ; магистрант Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, (г. Санкт-Петербург, Россия), dps1939@mail.ru

SCHOLARLY AND PUBLIC DEBATES ON "FINLANDIZATION" AND "POST-FINLANDIZATION" AS AN INSTRUMENT OF WESTERN POLICY

D. A. Popov

The article examines foreign scholarly publications on the phenomenon of "Finlandization" and "post-Finlandization" that have appeared in recent years. It addresses the question of how this phenomenon was treated in publications before the onset of geopolitical tensions in 2014 and after, in the context of the applicability of the "Finlandization" experience to contemporary realities. The conclusion is drawn that before 2014 this phenomenon was assessed rather positively, whereas afterwards it has been assessed rather negatively, which is connected with the collective West's concerns regarding cooperation between European countries — and especially Ukraine — and the Russian Federation.

Keywords: Finlandization; post-Finlandization; Finland; Cold War; sovereignty; Ukraine; geopolitical tension.

References

1. *Baryshnikov V. N. Vstuplenie Finlyandii vo Vtoruyu mirovuyu vojnu. 1940-1941 gg. [Finland's Entry into the Second World War. 1940-1941] / V. N. Baryshnikov. – Saint Petersburg: izd-vo SPbGU, 2003. – 326 p. (In Russ.)*
2. *Baryshnikov N. I. Izbrannoe. Iz istorii sovetsko-finlyandskikh otnoshenij [Selected Works. From the History of Soviet-Finnish Relations] / N. I. Baryshnikov, Eh. P. Lajdinen; [comp.: V. N. Baryshnikov, S. G. Verigin]. – Saint Petersburg: Izd-vo RKHGA, 2013. – 495 p. (In Russ.)*
3. *V Khel'sinki vystupili protiv «finlyandizatsii» Ukrainy [Helsinki Spoke Out against the "Finlandization" of Ukraine] [Electronic resource] // Novostnoj portal RBK [RBC News Portal]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2024/6732a2ac9a794752984aefc0> (last request: 23.11.2025). (In Russ.)*
4. *Vezhlyvtseva N. Yu. Sovremennoe prochteniya termina «finlyandizatsiya» [Modern Reading of the Term "Finlandization"] // Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2020. No. 4. pp. 83-90. (In Russ.)*
5. *Vikhavajnen T. Stalin i finny [Stalin and the Finns] / Per. s finskogo N. A. Kovalenko; Pod red. G. M. Kovalenko. – Saint Petersburg: Zhurnal «Neva», 2000. – 288 p. (In Russ.)*
6. *Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoj pomoshchi mezhdru SSSR i Finlyandskoj Respublikoj [Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the USSR and the Republic of Finland] [Electronic resource] // Portal «Vikiteka» [Wikisource Portal]. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_дружбе,_сотрудничестве_и_взаимной_помощи_между_СССР_и_Финляндской_Республикой (last request: 23.11.2025). (In Russ.)*
7. *Kovyako I. I. Finlyandizatsiya kak kontseptsiya nauchnogo issledovaniya vneshnej politiki i mezhdunarodnykh otnoshenij [Finlandization as a Concept of Scientific Research of Foreign Policy and International Relations] // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya» [RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"]. 2023. No. 4. pp. 28-39. (In Russ.)*
8. *Mejnander Kh. Finlyandiya, 1944. Vojna, obshchestvo, nastroyeniya [Finland, 1944. War, Society, Moods] / Khenrik Mejnander; per. so shved. Zinaidy Linden. – Moscow: Ves' Mir, 2014. – 395 p. (In Russ.)*
9. *Popov D. A. Interpretatsiya istorii Sovetsko-finskoj vojny 1941-1944 gg. v trudakh rossijskikh i finskikh istorikov [Interpretation of the History of the Soviet-Finnish War of 1941-*

1944 in the Works of Russian and Finnish Historians] // Put' k Velikoj Pobede: istoriya i sovremennost' [The Path to the Great Victory: History and Modernity]. – Majkop: Adygejskij gosudarstvennyj universitet, 2020. pp. 105-109. (In Russ.)

10. *Solonin M. S.* 25 iyunya. Glupost' ili agressiya? [June 25. Stupidity or Aggression?] / Mark Solonin. – Moscow: Yauza; Ehksmo, 2011. – 637 p. (In Russ.)

11. Stubb predupregeg ot «finskogo stsenariya» zaversheniya konflikta na Ukraine [Stubb Warned against the "Finnish Scenario" for Ending the Conflict in Ukraine] [Electronic resource] // Novostnoj portal RBK [RBC News Portal]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/11/2024/672a4b4c9a7947e8543c26a9> (last request: 23.11.2025). (In Russ.)

12. *Yussila O.* Politicheskaya istoriya Finlyandii. 1809-2009 [Political History of Finland. 1809-2009] / O. Yussila, S. Khentilya, Yu. Nevakivi. – Moscow: izd-vo «Ves' mir», 2010. – 472 p. (In Russ.)

13. *Arter, D.* (2023). From Finlandisation and post-Finlandisation to the end of Finlandisation? Finland's road to a NATO application. *European Security*, 32(2), 171–189.

14. *Tarkka, J.* (2013) "Suomettuminen oli uhka ja uusi alku", *Tieteessä tapahtuu*, 31(5). Available at: <https://journal.fi/tt/article/view/8637> (last request: 6 June 2026).

15. *Tuomas Forsberg & Matti Pesu* (2016) The "Finlandisation" of Finland: The Ideal Type, the Historical Model, and the Lessons Learnt, *Diplomacy & Statecraft*, 27:3, 473-495

16. *Holmila, A., & Ahonen, P.* (2022). The Good, the Bad and the Ugly: The Many Faces of Finlandization and Some Potential Lessons for Ukraine. *Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History*, 19(3), 560-577.

Popov Denis Aleksandrovich – Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, St. Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University of the Ministry of Health of the Russian Federation; Master's student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, (St. Petersburg, Russia), dps1939@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 11.06.2026; принята к публикации: 30.07.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Попов Д. А. Научные и общественные дискуссии касательно «финляндизации» и «пост-финляндизации» как инструмент политики Запада // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 3(17). – С. 145-156.

FOR CITATION:

Popov D. A. Nauchnye i obshchestvennye diskussii kasatel'no «finlyandizacii» i «post-finlyandizacii» kak instrument politiki Zapada [Scholarly and public debates on "finlandization" and "post-finlandization" as an instrument of western policy] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 3(17). P. 145-156.